

Радищева, что торжество свободы есть результат насильственного революционного акта, а главной движущей силой революции является народ. Обуславливает поведение угнетенного народа «тяжесть порабощения».

Просветители, будучи сторонниками мирных путей к свободе, верили в просвещенных монархов. Они, естественно, недооценивали народ — эту массу непросвещенных, неспособных к разумным действиям угнетенных работников. Они учили, что народ надо сначала (сверху) просветить, а потом уж освобождать. Они недооценивали творческие потенции народа, не могли видеть в нем силу, способствующую историческому развитию. Только американская революция заставила задуматься некоторых просветителей над исторической ролью народа.

Для Радищева же народ — великая сила истории, ибо именно «тяжесть порабощения» в свой урочный час подвигнет его на вооруженную борьбу за свободу. Народ для Радищева — это и творец новой государственности, новых идей, новой культуры, которую он будет создавать после победы. Только революция, учил Радищев, просвещает угнетенных и поднимает к новой, творческой жизни. Золотыми буквами на скрижалях рождавшегося просветительского историзма должно записать эти великие слова Радищева: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашу обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены».⁶⁰

Радищев, воспитанный на идеях Просвещения, участвовал в общеевропейском движении по выработке новой философии истории, но занимал в нем особое место. Потому новое в радищевских воззрениях — не теория прогресса, а теория революции; новое в том, что история для него перестала быть сборником иллюстраций и примеров, какой она была для просветителей. В своих исследованиях он пытается установить связь между историческими событиями, найти причины их возникновения и развития в условиях и обстоятельствах материальной жизни людей.

Следует отметить и еще одну особенность исторических воззрений Радищева — их практический характер. Они формулировали и определяли направление деятельности людей, вооружали нужным в борьбе за свободу народа и родины знанием, в то время как многие положения Гердера и других западных философов носили чисто теоретический характер. Стремление Радищева найти опору в истории, в познании закономерностей ее развития создавало возможность научного предвидения, «угадывания», предсказания будущей русской революции.

⁶⁰ Радищев А. Н. Избр. соч., 1952, с. 179.